

Наследники Тараса

◇
Николай РЫЛЕНКОВ
◇

КОГДА думаешь о демократических традициях русской советской поэзии, то вместе с самыми родными, самыми дорогими для нас именами вспоминается и имя великого украинского кобзаря Тараса Шевченко.

На первый — поверхностный — взгляд его влияние у нас мало заметно. Но ведь речь идет об усвоении не внешних приемов письма, а творческого опыта художника, прокладывавшего новые пути. В этом смысле влияние Шевченко в русской советской поэзии весьма широко и разнообразно. Оно сказывается прежде всего в высокой гражданственности нашей лирики, в историзме эпоса, в органической связи поэзии с народным песнетворчеством, в сочетании песенной мелодики и разговорных интонаций стиха.

Конечно же, большая поэзия всегда рождается из скрещивания, из творческого осмысливания самых разнообразных традиций как национальных, так и мировых. И у нас рядом с пушкинскими и некрасовскими традициями можно обнаружить шевченковскую струю у самых, казалось бы, непохожих друг на друга поэтов, таких, например, как Николай Асеев и Демьян Бедный, Александр Твардовский и Эдуард Багрицкий, Борис Корнилов и Павел Васильев.

Мы много и шумно спорим о соотношении традиций и новаторства в искусстве, в том числе и в искусстве поэзии, но споры эти не всегда плодотворны, потому что они не всегда достаточно конкретны. Опыт великого кобзаря весьма поучителен и в этом отношении. Никому не придет в голову отрицать новаторский характер творчества Тараса Шевченко. А ведь оно впитало в себя не только лучшие традиции украинской народной поэзии, ее мягкой лирики и сурового эпоса, но также и достижения книжной ссиллабии, интонации которой совершенно явственны в его стихах и песнях. И все это обогащено открытия-

ми русской поэтической культуры первой половины XIX века, оплодотворено глубоко воспринятым опытом Пушкина, Лермонтова, а затем и Некрасова.

Только творческое освоение всего поэтического богатства дало Тарасу Шевченко силы и смелость взяться за разрешение поистине титанических задач и создать такие произведения, которые, выразив душу народа, стали его национальной гордостью.

Как и всякий самообытный, ярко выраженный художник, теснейшим образом связанный со своим временем, Тарас Шевченко неповторим, неподражаем. Но без учета его поэтических открытий просто невозможно представить себе развитие демократической поэзии, особенно славянской, в том числе и русской советской поэзии.

Наиболее широко и разнообразно, на мой взгляд, шевченковские традиции сказались у нас в эпической поэзии. Полифонизм лучших наших поэтов в значительной мере подсказан, а вернее всего предсказан ни с чем не сравнимой для своего времени оркестровой «Гайдамаков» и «Гамалии», «Марьяны Черницы» и «Слепого».

Менее непосредственно, но не менее плодотворно отразилась шевченковская школа и в песенной лирике наших поэтов, которые так же, как и великий кобзарь, стремятся не подражать в своей песне народу, но выражать в ней самую душу народа наиболее доступными для него средствами, не прибедняя, а возвышая и обогащая ее всеми достижениями современной поэтической культуры. Именно этим близки шевченковской школе каждый по-своему М. Исаковский и А. Прокофьев.

Но, может быть, наибольшее влияние

на русскую поэзию оказал образ самого Шевченко, былинного кобзаря, как будто пришедшего к нам из далекой седой старины, окинувшего взглядом всю историю родной страны и проникшего в самые глубины современной ему народной жизни, чтобы разделить все радости и горести своего народа, стать его полнозвучной песней, его неусыпной и неподкупной совестью.

Сочетая в своем характере дар художника с темпераментом борца, он также органически сочетал и в творчестве широту исторического кругозора с острым чувством современности.

Судьба Тараса Шевченко была трагична. Но всю жизнь преследуемый царским самодержавием, он всегда глубоко чувствовал кровную связь с передовой культурой братского русского народа. Самую скорбную поэму свою «Катерина» Шевченко посвятил В. А. Жуковскому, который вместе с К. П. Брюлловым вызволил его, тогда еще никому неизвестного ученика живописной мастерской, из крепостной неволи.

А разве не символична его трогательная многолетняя дружба с великим русским актером Михаилом Семёновичем Щепкиным, также родившимся в рабстве и прошедшим нелегкий путь от цепей к всенародной славе?

Подвиг Тараса Шевченко вдохновлял на борьбу с самодержавием не только украинцев, но и русских, и всех, к кому доходили его слова на просторах России и за ее пределами. Для советских читателей его имя — символ дружбы и братства народов.

И нам радостно сознавать, что воспреемниками его были благороднейшие мастера русской художественной культуры, замечательные гуманисты, никогда не страдавшие национальной ограниченностью и сословной слепотой.

СМОЛЕНСК